

ПОЧЕМУ БЕЛАРУСЬ НЕ ПРИБАЛТИКА

АЛЕКСАНДР
НОСОВИЧ

Каким будет мир

Александр Носович

Почему Беларусь не Прибалтика

«Алисторус»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

Носович А. А.

Почему Беларусь не Прибалтика / А. А. Носович — «Алисторус»,
2017 — (Каким будет мир)

ISBN 978-5-906979-43-8

Географически и исторически близкие друг другу, после распада СССР Беларусь и Прибалтика выбрали полярные друг другу пути развития. Республика Беларусь объявила себя наследницей Белорусской ССР, создала Союзное государство с Россией, сделала русский язык вторым государственным, отказалась от «шоковой терапии», спасла от уничтожения фабрики и заводы и сохранила модель социального государства. Прибалтийские республики объявили советский период своей истории «оккупацией», вошли в НАТО и Евросоюз, свели внешнюю политику до выполнения функции «буферной зоны», отделяющей Россию от Запада, во внутренней политике сделали ставку на радикальный национализм, провели жесткие рыночные реформы и уничтожили крупную промышленность. Долгие годы западные СМИ, политики и эксперты уверяли, что «балтийский путь» — это эталон для бывших советских республик, а Беларусь — «последняя диктатура Европы». Но эти навязываемые стереотипы устарели. И автор с помощью аналитики, сравнения и статистических данных доказывает: именно белорусская, а не прибалтийская модель развития достойна того, чтобы быть примером для подражания на постсоветском пространстве.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

ISBN 978-5-906979-43-8

© Носович А. А., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
1. Великое княжество Литовское в прошлом и настоящем Беларуси и Литвы	12
2. Речь Посполитая: Беларусь, Прибалтика и польское влияние	15
3. «Будители»: возникновение национализма в Беларуси и Прибалтике	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Носович

Почему Беларусь не Прибалтика

Введение

Два полюса Восточной Европы

В феврале 2017 года британская Financial Times написала о белорусском IT-чуде. Деловое издание называет минский Парк высоких технологий потенциальной Силиконовой долиной¹. В Белорусском IT-парке зарегистрировано 164 компании, в которых работает 27 тысяч IT-инженеров. Родом из Беларуси игра World of Tanks, созданная компанией Wargaming, мессенджер Viber, перекупленный в 2014 году японцами за 900 млн долларов, и приобретённое Facebook приложение Masquerade, позволяющее создавать анимированные маски во время видеочата.

Странная информация для обывателя, привыкшего к стереотипам об «отсталой Белоруссии». Беларусь в навязанном СМИ массовом восприятии – это колхоз и «совок». Картошка, в конце концов. Она для всех ассоциируется с прошедшим советским временем, независимо от того, хорошо или плохо человек к этому времени относится. А здесь IT-чудо, молодые программисты, переезжающие жить в Минск, Viber, World of Tanks. Ломается шаблон.

На самом деле нет никакого противоречия между советским прошлым и цифровым будущим. Это признаёт даже Financial Times, называющая Беларусь «бывшим советским сонным царством»: иностранцы интересуются Парком высоких технологий в Минске, признавая силу сохранившегося в Беларуси советского образования, в котором делался упор на математику.

Беларусь устремлена в будущее, потому что в ней не уничтожали советское прошлое, а сохранили и усовершенствовали лучшее, что осталось в наследство от советского времени.

На стенах в белорусских гостиницах висит плазменный телевизор «Горизонт». Это тот самый «Горизонт», который стоял в каждой второй советской квартире. Тогда это был большой, выпуклый, с деревянным корпусом короб без пульта, программы в котором частенько приходилось переключать плоскогубцами. Сегодня «Горизонт» – это плоский плазменный экран, который вешается на стену. Его не отличишь с первого взгляда от «Филипса» или «Самсунга».

И тем не менее этот тот же «Горизонт» – та же советская марка, тот же завод-производитель, не приватизированный и не разрушенный в 1990-е годы, а оставшийся в государственной собственности, прошедший технологическую модернизацию и выживший, в отличие от тысяч аналогичных производств на просторах бывшего Советского Союза.

Непосредственно «Горизонты» составляют лишь 20 % выпускаемой на советском заводе продукции. Остальные 80 % – это Sharp и другие известные международные бренды, предпочитающие белорусскую сборку всем прочим в Восточной Европе. Помещения и работники на заводе остались прежние, советские, и именно с ними работают ведущие производители техники, поставляющие телевизоры белорусской сборки всей Европе.

Осенью 2016 года японская компания Panasonic запустила производство телевизоров в Беларуси. Компания собирается наладить поставку белорусской продукции во все страны бывшего СССР и Евросоюза. Представитель Panasonic объясняет выбор Беларуси тем, что рынок Евразийского экономического союза – самый большой в Европе, а в Беларуси имеется необходимый квалифицированный персонал².

¹ Maija Palmer <https://www.ft.com/content/48f3b14a-f81e-11e6-9516-2d969e0d3b65>

² Panasonic запустила производство телевизоров в Белоруссии <http://www.vedomosti.ru/business/news/2016/09/09/656396-panasonic-zapustila-proizvodstvo-televizorov>

Китайские компании ZTE и Huawei тем временем начали производство смартфонов в белорусско-китайском индустриальном парке под Минском.

В Восточной Европе транснациональным корпорациям обычно приходится самим строить новые заводы, поскольку старые там были закрыты и в прямом смысле разрушены.

В Беларуси они могут позволить себе сотрудничать с существующими предприятиями, опыт работы которых насчитывает десятки лет. Каждый третий карьерный самосвал в мире – это БелАЗ, 10 % мирового рынка колёсных тракторов – тракторы «Беларус» Минского тракторного завода.

Беларусь поставляет на экспорт не гастарбайтеров, как соседние Латвия и Литва, а грузовики МАЗ, холодильники «Атлант», газовые плиты GEFEST и прочую высокотехнологичную продукцию. Эта продукция находит свои рынки сбыта даже в Западной Европе, куда не могут попасть производители из других стран Восточной Европы, члены ЕС. Беларусь заканчивает строительство собственной атомной станции и готовится к получению статуса ядерной державы. Соседняя Литва свою доставшуюся от Советского Союза атомную станцию закрыла, из поставщика энергии превратилась в потребителя, статус ядерной державы потеряла.

Все эти факты никак не вяжутся со стереотипами о «последней диктатуре Европы». Беларусь до сих пор считалась отсталой, застрявшей в «совке», тогда как примерами успешного прогрессивного развития назывались соседние с ней страны Прибалтики.

На самом деле всё наоборот.

В Беларуси наступает XXI век, тогда как в странах Прибалтики торжествует архаика и будущего при нынешней демографической катастрофе у них не предвидится вовсе.

Страны Прибалтики являются абсолютными европейскими лидерами по эмиграции населения, в первую очередь – молодого. Девять из десяти литовских школьников заявляют социологам, что по окончании школы уедут из Литвы. И уезжают: абсолютное большинство мигрантов из Литвы – это молодёжь в возрасте 18–35 лет.

Молодые люди Литвы, Латвии и Эстонии охвачены настроением «пора валить»: у этих стран нет будущего, потому что у них нет будущих поколений – молодые, активные, энергичные, трудоспособные эмигрируют и заводят семьи на новых роинах. В Прибалтике остаются доживающие свой век старики.

Латвия и Литва за постсоветские десятилетия потеряли четверть населения, и в следующие десятилетия, к середине XXI века, Евростат, статистическая служба Евросоюза, прогнозирует им потерю ещё трети³. Для сравнения, население Беларуси за два с половиной десятилетия после распада СССР сократилось всего на 7 %.

А ведь четверть века считалась, что именно Прибалтика устремлена в будущее как никакой другой регион бывшего Советского Союза. Именно Прибалтика семимильными шагами идёт к прогрессу, именно на неё в своем развитии должны ориентироваться другие постсоветские республики. Как на эталон и образец.

«Балтийский путь» (прижившееся в 1990-е годы устойчивое выражение) включал в себя:

- Полный и безоговорочный отказ от советского прошлого; замазывание советского периода истории сплошной чёрной краской, доктрина «советской оккупации», отказ от концепции Великой Отечественной войны, в которой единый советский народ одержал Великую Победу над фашизмом.

- Замена коммунизма национализмом в качестве господствующей идеологии. Это victimный этнический национализм восточноевропейского типа, согласно которому титульная нация предстаёт вечной жертвой имперского российского государства. Соответственно, титульная нация, как пострадавшая и обиженная, объявляется исключительной внутри страны, а страх и ненависть по отношению к России становятся основой внешней политики.

³ Population and population change statistics // Eurostat statistic explain

- Либеральные «тэтчеровские» преобразования в экономике: «шоковые» реформы, либерализация цен, приватизация государственной собственности, невмешательство государства в экономику, ликвидация неконкурентоспособных промышленных предприятий, преобладание в структуре экономики сферы услуг.

- Копирование политических институтов по западным образцам; ориентация на США и Западную Европу, реформы по советам американских кураторов Восточной Европы.

- Стремление к полноценному участию в процессах глобализации; вступление в интеграционные структуры Западного мира – НАТО, Евросоюз и пр.

- Отказ от любых интеграционных проектов на Востоке; разрыв старых связей с Россией, экономическое размежевание с постсоветским пространством, восприятие любых проектов реинтеграции постсоветского пространства как возрождение «имперских амбиций» Кремля.

Такой путь от начала и до конца прошли страны Балтии.

Они первыми побежали из СССР и стали примером для других советских республик, начавших по образцу литовского «Саюдиса» и латвийского с эстонским «Народных фронтов» создавать антисоветские националистические движения, нацеленные на распад единой страны.

Провозгласили советской период «советской оккупацией» и ввели уголовное преследование за её отрицание.

Сделали 9 мая рабочим днём и объявили Вторую мировую войну столкновением двух тоталитарных режимов – гитлеровского и сталинского, жертвами которой стали малые народы Восточной Европы.

Заменили советский интернационализм и дружбу народов махровым национализмом, при котором первичны «латышская Латвия» и «Эстония эстонцев».

Провели радикальные рыночные реформы по рецептам МВФ, уничтожили промышленность, разорвали кооперационные связи с Россией.

Перешли на внешнее управление и импортировали себе западные политические институты, попав при этом в полную зависимость от Брюсселя и Вашингтона и утратив обрётённую в 1991 году независимость.

Стали частью глобального рынка и «коллективного Запада», вступив в ВТО, НАТО и Евросоюз.

Решительно разорвали старые связи с постсоветским пространством – вплоть до законодательного запрета на участие в каких-либо интеграционных проектах на Востоке.

Прибалтийская модель развития называлась эталонной: другим бывшим советским республикам навязывалось убеждение, что они должны идти по пути Литвы, Латвии и Эстонии. И тогда им тоже будет счастье в Европейском союзе: европейское качество жизни, «игра в западных клубах» для местных элит, прогресс и светлое будущее для народа.

Беларусь же после прихода к власти Александра Лукашенко воспринималась как советская Вандея. Ошибка истории. Программный сбой, приведший к появлению в Восточной Европе страны-аномалии, во всём без исключения развивающейся совсем по другому пути, чем её соседи по региону.

Белорусская ССР до последнего была против распада Союза.

Белорусский национализм не продержался у власти и трёх лет, раз и навсегда проиграв харизматику Лукашенко. Беларусь стала единственной постсоветской республикой, в которой русский язык был объявлен вторым государственным: 80 % белорусов на референдумах середины 1990-х годов голосовали за официальное двуязычие и создание Союзного государства с Россией.

Вместо героизации поборников Гитлера и маршей легионеров Ваффен СС Беларусь сохранила культ Победы над фашизмом и память о Великой Отечественной войне.

В Беларуси не приватизировали национальное достояние, не продавали промышленность иностранцам и не остановили фабрики и заводы.

Беларусь отказалась от «европейского выбора» и вместо европейской интеграции и вступления в НАТО развернулась в сторону Москвы. Пока в соседних Латвии и Литве президентами становились граждане США и Канады, из Минска выгнали американского посла и разорвали дипломатические отношения сразу с несколькими странами Евросоюза.

Беларусь не боялась возрождения «имперских амбиций», а сама инициировала проекты экономической реинтеграции постсоветского пространства. Единое экономическое, энергетическое и военное пространство, Таможенный союз, ЕАЭС, ОДКБ – всё это проекты, либо инициированные Минском, либо сразу же горячо им поддерживаемые.

Белорусская модель развития была явлением из ряда вон выходящим. Мало кто верил, что советская Вандея может выстоять против всего либерального миропорядка, наступившего по окончании холодной войны. Беларусь называли сталинским концлагерем в сердце Европы, Александра Лукашенко – последним диктатором Европы. Страна без малого 20 лет жила под действием санкций США и Евросоюза. В Минске было не меньше пяти попыток «демократической» революции.

Европейские политики, эксперты, журналисты – все были долгое время уверены, что антизападный поворот белорусского народа, случившийся после прихода к власти Лукашенко, – чистой воды случайность, это досадное недоразумение рано или поздно будет исправлено и Беларусь вернется на «магистральную дорогу» истории.

Как всё вышло в итоге? Белорусская модель развития вопреки колоссальному внешнему давлению работает уже третье десятилетие и демонстрирует успехи, особенно очевидные на фоне выбравших «магистральную дорогу» истории соседей – Литвы, Латвии и Украины.

Союз с Россией оказался для Беларуси не утратой суверенитета, а гарантией его сохранения. «Белорусское чудо» было обеспечено Союзным государством: Россия сохранила своему важнейшему стратегическому союзнику экономику, население и потенциал для развития.

Так называемая «магистральная дорога» истории сегодня сворачивает в ту сторону, в которую Беларусь повернула еще в середине 1990-х годов. В главных странах Запада становится всё менее востребована концепция постиндустриального мира, согласно которой общественный прогресс заключается в том, что доля индустриального сектора в экономике сокращается, а доминирующую роль в структуре экономики начинает играть сфера услуг.

Вместо этого в Америке и Европе всё чаще говорят о «четвёртой промышленной революции». Глобальная мода сегодня – это модернизированные, наукоёмкие, экономные энергетически и безопасные экологически предприятия в своей стране. Президент США Дональд Трамп штрафует бизнесменов, выводящих производство в страны «третьего мира». Евросоюз планирует развиваться в соответствии с «планом Юнкера», предполагающим масштабные инвестиции в реальный сектор.

Получается, что «совковые» белорусы, в 90-х задавшиеся целью спасти свои фабрики и заводы, стали предтечей сегодняшнего западного мейнстрима.

Аналогичным образом выходит сегодня из моды глобальная политическая интеграция. Пока страны Прибалтики до сих пор гордятся своим членством в НАТО и Евросоюзе, а Грузия с Украиной ещё мечтают туда вступить, из Евросоюза выходит одна из самых крупных и богатых его стран – Великобритания.

Государственный суверенитет вновь обретает былую ценность в глазах населения европейских стран, а наряду с европейской и трансатлантической интеграцией в Евразии возникают альтернативные интеграционные проекты: Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шёлкового пути и другие. Интерес к ним проявляют и европейские страны, что совсем уже невообразимо для той же Литвы с её законодательным запретом на участие в любых интеграционных проектах на «проклятом» Востоке.

Бывшие советские республики остро нуждаются в смене ориентиров в развитии, потому что прежний ориентир – Прибалтика – становится всё более очевидным примером упадка,

а не успеха, тогда как бывший жупел – Беларусь – демонстрирует успехи во всех областях общественного развития.

«Балтийские тигры» и «отсталая Белоруссия» – это безнадежно устаревшие стереотипы, которые давно необходимо менять. Достаточно просто сравнить их.

Беларусь и Прибалтика: где растёт население, а кто бьёт европейские рекорды по вымиранию?

Беларусь и Прибалтика: куда переезжают работать молодые специалисты, а откуда повально бежит молодёжь?

Когда вам станут рассказывать про прогрессивную, инновационную и успешную Балтию и отсталую, застрявшую в «совке» Беларусь, расскажите про плазменный телевизор «Горизонт» и попросите собеседника показать вам смартфон последнего поколения фирмы ВЭФ.

ВЭФ был огромным электротехническим заводом, созданным в год основания Латвии для производства АТС, телефонов и коммутаторов. В прошлом веке его сравнивали с немецким «Сименсом» и финской «Нокией». Но сегодня смартфона ВЭФ не может быть в природе, поскольку не существует торговой марки и производителя ВЭФ: огромный латвийский завод превращён в развалины.

А белорусский «Горизонт» жив, производит современную технику и поставляет её на экспорт...

Белорусский путь развития оказался историей успеха, а «балтийский путь» – историей упадка.

Сравнить эти две модели развития необходимо, чтобы понять, как можно прийти к успеху, а как – поставить свою страну на грань вымирания⁴. С этой целью и написана эта книга.

⁴ В данной книге Беларусь будет сравниваться преимущественно с Литвой и Латвией – странами, граничащими с Беларусью и до XX века долгое время развивавшимися с ней как единое целое.

Глава 1

От единства к борьбе противоположностей. Как разошлись пути Беларуси и Прибалтики

Прибалтийские республики и Беларусь столетиями развивались как часть одного региона. Имели схожие географические условия, структуру экономики и общую судьбу. Белорусы и балтийские народы вместе входили в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и СССР.

Ещё в начале прошлого века никто не видел кардинальных различий между Ковенской, Виленской и Минской губерниями.

Однако в постсоветский период страны Балтии и Беларусь превратились в антагонистов во всех сферах общественной жизни.

Их история – удивительный пример того, как можно от неразрывного единства перейти к существованию на разных полюсах.

Прибалтика выбрала основой своего развития восточно-европейский виктимный национализм: представление о своих титульных нациях как о вечных жертвах «имперских амбиций» и «оккупаций».

Белорусы после Великой Отечественной войны осознали себя как народ-победитель, в составе единого советского народа разгромивший фашизм. От этой разницы путей – непреодолимая пропасть между исторически и географически близкими странами и народами одного региона.

1. Великое княжество Литовское в прошлом и настоящем Беларуси и Литвы

Политическая история на территории будущей Беларуси началась с Полоцкого княжества, бывшего частью Древней Руси. В период расцвета (XI век) Полоцкое княжество включало в себя помимо земель нынешней Беларуси Виленский край Литвы, Латгалию (восточную Латвию) и Смоленскую область России. Согласно отдельным националистическим интерпретациям белорусской истории, эти земли со времён Полоцкого княжества являются белорусскими и «подлинные» тысячелетние границы Беларуси куда шире её нынешних границ.

Ещё более важную роль в мифологии белорусского национализма играет Великое княжество Литовское, от которого, по мнению националистов, идёт традиция белорусской государственности. Великое княжество Литовское, Жемайтійское и Русское – это средневековое восточноевропейское государство, на пике могущества (XV век) включавшее в себя земли современных Беларуси и Литвы, а также большей части нынешней Украины, части Латвии (Латгалию), Польши (Подлясье) и Молдовы. Центром этого государства был Виленский край: восточные районы современной Литвы с Вильнюсом и граничащие с ними районы Беларуси.

Трансграничный характер Виленского края даёт белорусским националистам основание считать ВКЛ не литовским, а белорусским политическим проектом – первым государственным состоянием Беларуси. По их мнению, литовцы украли у белорусов их подлинное самоназвание. Нынешняя Литовская республика – это историческая Жемайтия или Жмудь, центральные и западные районы современной Литвы во главе с Каунасом. А подлинная Литва – это Виленский край и западные районы Беларуси, которые населяли литвины – предки нынешних белорусов.

Отстаивающие альтернативную историю белорусского народа авторы делают важнейший для построения своей мифологической системы вывод: этнически литвины были не восточными славянами, а балтами, близкими не к нынешним русским и украинцам, а к латышам и литовцам (жемайтам). Политогенез (возникновение государства) литвинов происходил отдельно от политогенеза восточных славян и со времён возникновения Полоцкого княжества «литва» вела борьбу за независимость с «русью» – киевскими князьями.

В результате происходит отрицание доктрины триединого русского народа, согласно которой русские, украинцы и белорусы – это один восточнославянский народ, вышедший из общего корня.

Вместо этого белорусы провозглашаются балтами, которые были насильно отринуты от своих корней и ассимилированы «русью». В том числе – с помощью православия (в этой связи упоминается киевский князь Владимир, захвативший Полоцк и крестивший его в греческую веру). Отсюда – обращение многих приверженцев литвинства к католицизму, а нередко вовсе к балтскому язычеству.

Национальное возрождение белорусского народа, согласно белорусским националистам, состоит в обращении к литвинству и осознании исторического правопреемства Беларуси с Великим княжеством Литовским, столетиями успешно противостоявшим русской ассимиляции. Подлинной столицей Беларуси провозглашается Вильнюс, главным государственным символом – Пагоня, герб Великого княжества Литовского – белый всадник с мечом на красном фоне.

Исходя из исторической преемственности, Беларусь должна отказаться от строительства Союзного государства, разорвать старые связи, отмежеваться от России и Украины и налаживать стратегическое партнёрство с западными соседями – странами НАТО и Евросоюза: Польшей, Литвой и Латвией.

Такая точка зрения на свою историю в Беларуси является глубоко маргинальной, оппозиционной и загнанной в подполье как на политическом, так и на общественном, академическом и образовательном уровне.

Между тем в соседней Литве преемственность с ВКЛ является основой основ литовской государственности, определяющей внутреннюю и особенно внешнюю политику Литовской республики. Хотя между древней литовской империей и современной Литвой нет практически ничего общего, литовская государственность отсчитывается с 6 июля 1253 года, даты возникновения Великого княжества Литовского, когда состоялась коронация князя Миндовга (Миндаугаса).

6 июля в Литве – День государства, главный национальный праздник. Герб ВКЛ и династии Гедиминовичей – государственный герб Литовской республики Витис (полный аналог белорусской Пагоны); столица Вильнюс, башня Гедимины, «гедиминовы столпы» (геральдические знаки ВКЛ) – символические основы национально-государственного строительства.

По поводу собственного политогенеза в Литве нет никаких разночтений. Великое княжество Литовское – это государство литовцев, расширившееся до размеров балтийско-черноморской империи. ВКЛ было многонациональным государством, но его центром была сегодняшняя Литва и правили им литовские князья – этнические литовцы.

Как и белорусский национализм, литовская историография подчёркивает противостояние ВКЛ Русскому государству. В поддерживаемой властями Литвы исторической мифологии «европейское Литовское княжество» защищало славянские земли нынешних Украины и Беларуси от «деспотической азиатской Московии».

Литва предлагала восточным народам свободу, уважение, европейскую культуру и человеческое достоинство, тогда как Москва – кнут и плеть опричника. Поэтому из Москвы в Литву бежали со времён Ивана Грозного и по сегодняшний день бегут свободолюбивые диссиденты-инакомыслящие. От князя Курбского до Гарри Каспарова.

Краеугольная роль образа средневекового княжества при формировании современной Литвы определяет сегодня внешнюю политику Вильнюса: ощущение правопреимства с ВКЛ заставляет литовских политиков заниматься геополитическим мессианством на постсоветском пространстве и проводить политику, направленную на отрыв Украины и Беларуси от России, «экспорт демократии» в эти страны и включение Киева с Минском в западную сферу влияния вплоть до вступления этих стран в НАТО и Евросоюз.

Особенно примечательно, что на пути к этой цели в отношении Беларуси литовское государство идёт на союз с белорусскими националистами. Казалось бы, подобного альянса не может быть в природе. Белорусские националисты не признают ВКЛ прообразом литовского государства, не признают Литву Литвой, а литовцев – литовцами, считая, что «жмудь» украла у них их подлинное имя, историю и столицу. Многие адепты литвинства ненавидят литовцев, считают Вильнюс своим городом, который вместе с окружающей территорией и самим названием «Литва» необходимо отнять у соседнего государства.

Тем не менее Литовская республика охотно идёт на контакт со змагарами (простонародное название белорусских националистов), потому что в идеологии белорусского национализма для официального Вильнюса главное – отрицание союза Беларуси с Россией, отрицание русских как братского белорусам народа и отнесение белорусов к балтам, а не к славянам.

Поэтому литовские политики готовы брататься с белорусской оппозицией, прощая им претензии на их Вильнюс, их самоназвание и их историю.

Совсем иное отношение к своей средневековой истории у Республики Беларусь. ВКЛ признаётся одним из этапов белорусской истории, но никаких политических и идеологических выводов из факта существования на территории Беларуси этого государства не делается.

Великое княжество Литовское было многонациональным государством, основанным литовскими князьями. Это государство отличалось особенной веротерпимостью и уважением к иным культурам: и в народе, и в княжеской верхушке ВКЛ свободно сосуществовали католицизм, православие и язычество.

Благодаря этому обстоятельству под власть литовских князей охотно переходили западные и южные русские земли: для Полоцкого, Турово-Пинского, Галицко-Волынского и прочих княжеств, возникших на развалинах Киевской Руси, Литва была защитником и от крестоносцев, и от Золотой Орды.

Литвинами же назывались все жители Великого княжества Литовского по названию страны: это было географическое, а не этническое наименование, объединявшее потомков нынешних литовцев, украинцев, белорусов и прочих⁵.

В XIV–XV веках Великое княжество Литовское конкурировало с Москвой и Тверью за объединение всех русских земель в одно государство. То, что Литва в этой конкуренции не смогла пройти дальше Смоленска и в конечном счёте проиграла Москве, объясняется усилением при княжеском дворе польского католического влияния, которое вытеснило русское православное.

К концу XVI века веротерпимость и свобода вероисповедания в ВКЛ сменились насильственным обращением русинов в католичество и закабалением их польскими панам. Поэтому будущие белорусы всё более тяготели к Московскому государству и в конечном счёте восприняли разделы Речи Посполитой и вхождение в состав России как воссоединение русского народа.

В отличие от Литвы, Беларусь устанавливает преемственность не со средневековой империей, а с Белорусской ССР. В основе её национальной мифологии куда более близкие сегодняшнему дню события – вклад белорусского народа в Победу над фашизмом в Великой Отечественной войне.

Отношение двух соседних стран к памяти о Великом княжестве Литовском показывает отличие белорусской модели от восточноевропейского национализма: если Литва стандартно обращается к образу утерянной много столетий назад империи и строит свою государственность на почти фэнтезийных средневековых сюжетах, то Беларусь обращена к настоящему – историческим событиям, ещё не успевшим утратить актуальность и отойти в историю.

Соответственно, различается и политика двух стран. Внешняя политика Литвы подвержена влиянию постимперского синдрома и основана на романтических представлениях об экспорте демократии, европейских ценностей и европейского выбора на бывшие земли Великого княжества Литовского.

Внешняя политика Беларуси сугубо прагматична и направлена на обеспечение экономического развития страны посредством внешнеполитической деятельности. В первую очередь это связано с восстановлением разрушенных после распада СССР интеграционных связей на постсоветском пространстве.

Литва же сама рвала все старые хозяйственные связи на Востоке и ещё в 1992 году законодательно прописала запрет на участие в любых интеграционных проектах на пространстве бывшего СССР.

⁵ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времён до 1569 года / Перевод с литовского Г.И. Ефремова. – Т. I. – М., 2005.

2. Речь Посполитая: Беларусь, Прибалтика и польское влияние

В 1569 году на Люблинской унии происходит объединение королевства Польского и Великого княжества Литовского в одно государство – Речь Посполитую. «Государство обоих народов» – поляков и литвинов – было объединено единым королём, выбираемым Сеймом, общей внешней политикой и валютой.

При этом Польша и Литва сохраняли государственную границу друг с другом, имели собственную армию, бюджет и Вооружённые силы. Поэтому формально создание Речи Посполитой не является уничтожением Великого княжества Литовского – уния провозглашалась не как слияние и поглощение ВКЛ Польшей, а как объединение двух государств.

Тем не менее у Литовской республики и приверженной литвинской мифологии белорусской оппозиции присутствует неприязненное отношение к полякам и проекту Речи Посполитой. Уния с Польшей обернулась для Великого княжества Литовского полонизацией верхов и притеснением низов.

На восточнославянских православных землях началось закабаление населения польской и полонизированной местной знатью, насильственное распространение римско-католической и греко-католической (униатской) церкви. Польскому закабалению были подвергнуты и жители бывшего имперского Центра – этнические литовцы.

По этой причине литовский, белорусский и украинский национализм носит в том числе антипольский характер, а Литве и Украине, в которых местный национализм является правящей идеологией, даже при полном единстве внешнеполитических установок не удаётся выстроить стратегическое партнёрство с Польшей.

Для официальной Варшавы Литва, Украина и Беларусь (отчасти также Латвия – восточные районы, Латгалия или Инфлянты) – это восточные кресы, окраинные земли Первой Речи Посполитой. Официальным подходом к ним является концепция региона ULB или доктрина Гедройца – Меровского, согласно которому Польша признаёт независимость Украины, Литвы и Беларуси, поддерживая их в борьбе за выход из сферы влияния России и выступая в отношении Киева, Вильнюса и Минска старшим товарищем и главным стратегическим союзником.

У стран бывшего ВКЛ (особенно Литвы) такой подход Польши вызывает настороженность, поскольку навеивает воспоминания о первой попытке объединения с Польшей, закончившейся утратой государственности и едва не обернувшейся потерей идентичности.

Первая Речь Посполитая была страной, в которой за два века существования государство было практически сведено к нулю. «Государство обоих народов» было страной шляхты: аристократического сословия, по мере постоянного увеличения привилегий которого размывались полномочия государства. Для пополнения рядов правящего сословия и получения доступа к шляхетским привилегиям литвинская знать массово полонизировалась и отрывалась от нищих и забитых соплеменников, всё больше ассоциируя себя с Польшей, а не со своей этнической группой.

Будучи де-юре выборной монархией, Первая Речь Посполитая де-факто являлась шляхетской республикой, в которой король был в лучшем случае первым среди равных – «пан-братом». При этом объединение с Великим княжеством Литовским стимулировало материальное расслоение в шляхетских рядах: разделение на малоземельную или вовсе безземельную шляхту и олигархов. Польская колонизация земель будущих Украины и Беларуси приводила

к появлению земельных магнатов-латифундистов, массово скупавших шляхтичей-бедняков и влиявших на управление страной с помощью своей шляхетской клиентелы.

Постепенно из шляхетской республики Первая Речь Посполитая трансформировалась в шляхетскую олигархию, в полном соответствии с законами Платона и Аристотеля деградировавшую в шляхетскую анархию.

На территории Беларуси и Прибалтики богатейшим шляхетским родом были Радзивиллы, бывшие фактическими правителями Великого княжества Литовского. В XVI веке князь Радзивиллы пытались бороться против объединения с Польшей и даже пытались утвердить в ВКЛ кальвинизм, но затем стали неотъемлемой частью политической системы Речи Посполитой, конкурируя с Чарторыйскими и другими крупнейшими аристократическими фамилиями в борьбе за звание теневых правителей Польши.

В Новое время происходит включение Речи Посполитой в экономическую систему Западной Европы: у Франции и других европейских стран растут потребности в продовольствии, и Польша во всё возрастающих количествах начинает поставлять им сельскохозяйственное сырьё. Поэтому в Речи Посполитой развивается крепостное право и на восточных крепостях идёт процесс закабаления шляхтой крестьянства (хлопов). В случае русинов социальное угнетение поляками дополняется культурным: насильственным обращением в католическую и униатскую веры.

Ответной реакцией был уход в казаки и казаческие восстания, центром которых была нынешняя Восточная Украина, но которые затрагивали и Беларусь. А также всё возрастающее тяготение восточнославянского населения к России.

Поэтому, когда Речь Посполитая деградировала до состояния полной анархии и неуправляемости, раздел страны между немецкими странами и Россией был воспринят русинами Великого княжества Литовского как воссоединение русского народа и шанс на избавление от польского гнёта.

Этим надеждам суждено было сбыться лишь отчасти. Российская империя пыталась добыть лояльность шляхты и интегрировать её в российское дворянство, поэтому, несмотря на смену юрисдикции, на территории Беларуси и Прибалтики сохранялось польское социальное и культурное господство. В Литве, западных областях Украины и Беларуси отдельные шляхетские привилегии сохранялись до 1921 года.

Поэтому крупные восстания, сотрясавшие земли бывшей Речи Посполитой в XIX веке, были восстаниями шляхты, к которым не присоединялось коренное население – литовцы, латгалы и белорусы (слово «белорусы» к тому времени уже вошло в употребление и было широко распространено). Более того, восставшие шляхтичи занимались террором против православных белорусских крестьян, не поддержавших бунт против Санкт-Петербурга.

В силу этого затруднительно назвать польские восстания 1830 и 1863 года борьбой за свободу жителей Литвы, Украины и Беларуси, хотя восстававшие и обещали восточным крепостам широкую автономию в память о ВКЛ. Однако такие попытки сегодня предпринимаются – альтернативная история Беларуси от адептов литвинства вносит шляхетские восстания против Российской империи в летопись борьбы за освобождение белорусов от русского диктата. Разговор доходит до отрицания польской идентичности тех лидеров движения за возрождение Речи Посполитой, которые жили на территории будущих Беларуси или Литвы.

Самый яркий пример – основатель польского литературного языка Адам Мицкевич, выросший в Новогрудке (Гродненская область Беларуси) и учившийся в Вильнюсе. На этом основании, на основании строчки: «Літва! Ты, як здароўе ў нас, мая Айчына» польского классика в Литве неформально считают великим литовским, а в Беларуси – великим белорусским поэтом.

Адам Мицкевич действительно считал своей родиной Литву и называл себя литвином, подразумевая при этом, что Литва – это географический регион, входящий в состав Польши, а он, литвин, его житель. По национальности великий польский поэт, естественно, считал себя поляком: думал, говорил и писал по-польски, мечтал о возрождении польского государства.

Если говорить об идентичности, исходя из привязки к малой родине, то Адам Мицкевич был полонолитвином: жителем бывшего Великого княжества Литовского, мечтавшим о возрождении Польши, в которой Беларусь и Литва были бы частью польского государства. Другими выдающимися полонолитвинами были композиторы Михаил Огинский и Станислав Монюшко, художник и композитор Наполеон Орда, всемирно известный исторический романист Генрик Сенкевич.

Их имена увековечены в современных Беларуси и Литве, однако польские классики считаются всё же поляками. Отказ считать поляками главных национал-романтиков и борцов за национальное возрождение Польши – слишком экстравагантное решение, к которому склонны лишь наиболее маргинальные представители белорусской националистической субкультуры.

Поэтому, несмотря на отдельные попытки создания альтернативной истории, в целом шляхетское движение против Российской империи не воспринимается как борьба за независимость Беларуси и Прибалтики.

Литовский, белорусский и частично также латышский национализм XIX века были проектами преодоления польского влияния, которое не только означало социальное доминирование поляков, но и грозило ассимиляцией белорусам, литовцам и латгальцам.

Автор Конституции 3 мая, лидер борьбы за сохранение Речи Посполитой и предводитель Варшавского восстания 1794 года Тадеуш Костюшко (полонолитвин, уроженец Брестской области) писал о русинах Великого княжества Литовского: «Приучать их надо к польскому языку, пусть по-польски все их службы будут. Со временем дух польский в них войдёт. За врага будем потом считать того, кто бы не знал языка народного. Начнёт ненавидеть москаля, пруссака и австрияка так, как француз ненавидит англичанина».

Процитируем польского историка Януша Тазбира об антирусинской позиции Костюшко: «В мае 1789 года писал он в письме своему соседу (и послу трокскому на Четырёхлетний сейм) Михаилу Залевскому, что усмирение (пацификация) русинов невозможна без успокоения их фанатизма, то же можно осуществить „верным и наимягчайшим способом“, а именно „объединяя их праздники все с нашими, пусть один будет календарь, постараться чтобы попы могли служить литургии по-польски“»⁶.

«Кто меня называет белорусом – пусть это будет на его совести», – писал в начале XX века минский коммерсант, депутат Государственной думы Российской империи Эдвард Войнилович, считавший себя, разумеется, поляком. Белорусские националисты делают своим кумиром и считают национальным героем Кастуся Калиновского – одного из лидеров восстания 1863 года, говорившего белорусским крестьянам: «Помните, вы на польской земле живёте и польский хлеб едите».

Но если в Минске такое поведение свойственно полусумасшедшим маргиналам, то в соседнем Вильнюсе ассоциированием себя с поляками при ненависти к ним же занимаются системные политические силы.

Яркий пример: литовские консерваторы – партия «Союз Отечества – христианские демократы Литвы» (носители литовского этнического национализма) в конце 2016 года для улучшения сложных отношений Вильнюса с Варшавой создали в литовском Сейме «Группу 3 мая»,

⁶ Janusz Tazbir. *Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty*. Poznań, 1998. С. 156

названную так в честь Конституции 3 мая 1791 года, которая юридически упраздняла Великое княжество Литовское и закрепляла за Литвой статус польской провинции.

Попытка «примазаться» к польскому национальному движению и даже к классикам польской литературы националистов Беларуси и Прибалтики, мировоззрение которых было сформировано антипольскими настроениями, изумляет особенно. Это свидетельство их исключительной неполноценности, которую они в глубине души признают: за дефицитом собственных достижений и своих выдающихся представителей приписывать себе достижения и представителей собственных врагов.

3. «Будители»: возникновение национализма в Беларуси и Прибалтике

В разных странах мира к национализму могут относиться по-разному, потому что под ним иногда понимаются совершенно разные вещи. В Великобритании или во Франции национализм – это синоним патриотизма: созданная под влиянием Великой французской революции гражданская религия, призванная объединять общество на основе любви к Родине и осознании общей для всех граждан судьбы. Поэтому в странах Западной Европы национализм – преимущественно позитивное понятие: кого может возмущать любовь к Родине?

Иное дело – восточноевропейский национализм. Для всех титульных наций нынешних стран Восточной и Юго-Восточной Европы он возник и развивался примерно по одной схеме. Сначала (первая треть XIX века) формировалась национальная интеллигенция народов, находившихся в составе Австрийской, Российской или Османской империй, – представители коренных местных жителей, получившие образование и освоившие интеллектуальные городские профессии.

В следующем поколении из среды национальной интеллигенции выходили так называемые «будители» народного духа, создававшие на основе сельских диалектов своих предков литературный язык. Потом этот язык получал распространение через периодику, литературно обработанный и впервые напечатанный фольклор и труды национальных историков о былом великом прошлом своего народа (если такового прошлого не было, его придумывали). Ещё через поколение происходила политическая самоорганизация на основе ощущения общей национальной принадлежности и начиналась борьба за создание национального государства.

Такая схема была универсальна хоть для хорватов, хоть для венгров, хоть для латышей с эстонцами. Большинству восточноевропейских народов удалось создать свои национальные государства по итогам Первой мировой войны, когда произошёл распад империй.

В наследство от имперского периода этим народам достался глубочайший комплекс неполноценности, от которого пошли нетерпимость к инородцам, навязывание своего национального превосходства и дискриминация национальных меньшинств, особенно если те в имперский период были «нацией господ».

Поэтому восточноевропейский национализм всегда носит виктимный характер. Он исходит из того, что титульная нация – это перманентная жертва империй и войн больших государств, тем или иным способом пытавшихся подвергнуть её геноциду. Виктимный национализм носит этнический, а не гражданский, как в США или Западной Европе характер: он апеллирует к латышам, а не к гражданам Латвии, к литовцам, а не к гражданам Литвы.

Изображая свою нацию вечной жертвой, восточноевропейский национализм требует себе защиты, особенного внимания и привилегий от имеющих на тот момент старших товарищей и покровителей, будь то Третий рейх, США, Советский Союз или Евросоюз. В то же время осознание себя жертвой, в представлении националистов, даёт им право на угнетение проживающего на их территории национального меньшинства.

На территории Беларуси и Прибалтики национальное пробуждение коренного населения происходило параллельно с национальным движением проживавших на этих землях поляков. Но если польское национальное возрождение заключалось в осмыслении уже имеющегося огромного пласта польской культуры, то для национально ориентированных литовцев, латышей, латгальцев и белорусов речь шла о создании своей национальной культуры почти с нуля – формировании литературного языка, издании корпуса текстов. Уже имевшееся к тому времени письменное наследие было крайне невелико, либо вовсе отсутствовало.

В Литве распространение литовского литературного языка происходило путём издания в письменном виде поэмы «Времена года» Кристиониса Донелайтиса – полупоэтического лютеранского священника и поэта, жившего в XVIII веке на востоке нынешней Калининградской области. Публикация «Времен года» в 1818 году стала одним из ключевых событий в истории литовской культуры.

К этому же времени относится появление периодики на литовском языке, популяризация в образованной городской среде хуторской народной культуры, проявившаяся в деятельности поэта и драматурга Йонаса Мачюлиса-Майрониса, историка и этнографа Симонаса Даукантаса, композиторов Микалоюса Чюрлениса и Винцаса Кудирки (автора нынешнего государственного гимна Литвы).

Особенно примечательна деятельность двух литовских «будителей» – философа и писателя Видунаса и историка-фольклориста Йонаса Басанавичюса. Их творческая жизнь была неотделима от общественно-политической работы, направленной на формирование литовской нации.

Видунас (Вильгельмас Старостас, Вилюс Стороста), живший на современной границе Литвы с Калининградской областью, создавал молодёжные кружки и общественные организации, издавал периодику, пропагандирующую идею национального государства литовцев.

Примечательно, что несмотря на общественную активность, Видунас как философ был мистиком и противником позитивизма. У него и его коллег «будителей» был особый интерес к литовскому язычеству.

Литовцы были последним европейским народом, принявшим христианство, причём они приняли католичество от поляков, уже имея своё государство (1387 год). Поэтому для литовского национализма, носившего антипольский характер, было важно обращение к языческим верованиям и самому раннему периоду Великого княжества Литовского, ещё не попавшего под польское влияние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.